

УДК 351.74(571.16):908

ББК 67.401.133.1-1+63.3(2)531

В.М. Антропов

Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, РФ)

**УЧАСТИЕ ПОЛИЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ИНОРОДЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

Рассмотрены отдельные вопросы реализации государственной политики в отношении инородческого населения Томской губернии в начале XX в. Приводится краткая характеристика категорий инородцев в Российской империи и законодательных актов, определявших их правовой статус. Особое внимание уделено участию полиции и жандармерии в пресечении деятельности национально-религиозных объединений, носивших экстремистский характер: мусульманской секты «Ваисовский божий полк», адептами которой являлись татары Каинского уезда, и религии бурханизма, распространившейся в рассматриваемый период среди алтайцев Бийского уезда.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, инородцы, Томская губерния, экстремизм, Уложение о наказаниях.

V.M. Antropov

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia)

**PARTICIPATION OF POLICE IN REALIZATION
OF A STATE POLICY CONCERNING INDIGENOUS
POPULATION IN THE TERRITORY OF THE TOMSK
PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

This article is devoted to some questions of realization of a state policy concerning the indigenous population of the Tomsk province at the beginning of the XX century. The characteristic of the indigenous population categories in the Russian Empire and acts defining their legal status is given. The special attention is paid to participation of police and gendarmerie in suppression of activity of the national and religious associations which had extremist character: Muslim sect «Vaisov God's regiment» which adherents were Tatars of the Kainsk district, and the religion of Burkhanism which extended among Altaians of the Biysk district during the considered period.

Key words: police, gendarmerie, indigenous population, Tomsk province, extremism, the Code about punishments.

Любые проявления экстремизма в такой многонациональной и поликонфессиональной стране, какой является Российская Федерация, наносят колоссальный вред, являются системной угрозой существованию общества и государства, в связи с чем представляют особую опасность [1, с. 135]. Отечественные органы внутренних дел имеют значительный опыт противодействия религиозно-политическому экстремизму, который может быть использован в настоящее время. Так, не только научный, но и практический интерес представляют формы и методы борьбы полиции с радикальными движениями инородцев Томской губернии как составляющая реализации государственной политики в отношении данной категории населения Российской империи.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации органами полиции государственной политики в отношении инородцев на территории Томской губернии в начале XX в. Методологическую основу исследования, помимо общенаучных методов, составляют частно-научные: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой методы.

К началу XX в. население Российской империи разделялось на несколько категорий: природных обывателей, иностранцев и инородцев. По мнению этнографа Л.Я. Штернберга, термин «инородец» в рассматриваемый период на языке правительства и националистической прессы понимался в двояком смысле – политическом и технико-юридическом. В технико-юридическом смысле под инородцами подразумевается целый ряд неславянских племен, которые в законодательном отношении поставлены в особое положение [1, с. 531].

Законодатель устанавливал следующие группы: сибирские инородцы, к которым причислялись все туземные племена Сибири, кроме чукчей Приморской области, дзюнгорцев юго-восточной части Томской губернии и коренного населения Коман-

дорских островов; самоеды Архангельской губернии; инородцы, кочующие в пределах Ставропольской губернии; калмыки, кочующие в Ставропольской и Астраханской губерниях; киргизы Внутренней Орды, кочующие в степях между Каспийским морем, Уральской областью и Астраханской губернией; инородцы, кочующие в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях; инородцы Туркестанского края; ордынцы Закаспийской области; горские племена Кавказа; евреи [2, с. 224–225].

Основными законодательными актами, определявшими правовой статус инородцев, являлись «Учреждение для управления Сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев» (1822 г.), «Положение об инородцах» (1892 г.), «Законы о состояниях» в редакциях 1832, 1876 и 1899 гг. В соответствии с ними инородческое население обеспечивалось определенными льготами, выражавшимися в иных, уменьшенных по сравнению с русскими крестьянами, суммами налогов, освобождением от царской военной службы, определенным регламентом землепользования, включавшим, например, получение согласия коренных жителей при поселении на их землях пришлого русского и иного населения [4, с. 22]. Инородцы имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и «местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных» [5, с. 21].

Революция 1905–1907 гг. вынудила правительство пересмотреть национальную и конфессиональную политику. В соответствии с указом «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) было прекращено законодательное преследование старообрядцев, признаны подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания, и подвергнуты обсуждению действующие узаконения о ламаитах, которых впредь возбранялось именовать в официальных актах идолопоклонниками и язычниками [6, с. 237–238]. В то же

время серьезную обеспокоенность властей Российской империи вызывали различные религиозные и национальные движения, часто имеющие радикальный характер.

Так, на территории Томской губернии действовала мусульманская секта «Ваисовский божий полк», находившая своих последователей среди татар, сосланных в Сибирь за участие в волнениях в Казанской губернии в 1870–1880 гг. Ее основатель и идейный вдохновитель Б. Ваисов считал себя и своих адептов потомками волжских болгар, сохранивших «настоящий» ислам. Сектанты признавали над собою лишь власть императора и подчиненного ему военного начальства, но отказывались повиноваться представителям гражданской администрации и суда, отрицая гражданскую власть как несогласную с Кораном, а также всякие сословные разделения [7]. При этом число ваисовцев в Томской губернии на 1909 г. было самым большим в России – 296 человек [8], в связи с чем томским губернатором в земский отдел Министерства внутренних дел было подано ходатайство «о недопущении высылки в Томскую губернию из Казанской губернии лиц, принадлежащих к секте ваисовцев, поскольку «к ним присоединялись как целые семейства мусульманские, так и христианские, принимая ислам и становясь ваисовцами» [9, р. 218].

В Каинском уезде «возмутителями спокойствия» были административно-ссылный Ю. Файзулин, сосланный в Сибирь в 1899 г. «за дурное поведение», и местный житель М. Гумеров, претендовавший на место муллы, однако не утвержденный в должности Губернским управлением, как не имеющий соответствующего образовательного ценза. Они препятствовали выбору уполномоченных от ряда сел Тунужской инородческой управы для участия в съезде при предъявлении раскладки Государственной оброчной подати и выборах в Государственную думу. В связи с этим противники ваисовцев обратились к властям с просьбой об их выселении за пределы губернии. По мнению пристава 5-го стана Кознухина,

это привело бы к крупным вооруженным столкновениям и беспорядкам, которые пришлось бы прекращать силою оружия [10]. Выход полицейский чин видел в выделении этих деревень в особую управу. Тем не менее, в соответствии с резолюцией временного генерал-губернатора, Ю. Файзулин и его помощники «ввиду вредного их влияния на инородческое население, выражающегося в подстрекательстве своих однообщественников к неповиновению к властям и неплатежу податей», были высланы этапным порядком под надзор полиции в Новокукушскую волость Томского уезда, где не было инородческого населения».

Однако последователи ваисовского движения продолжали отказываться от уплаты податей и проводить выборы должностных лиц. Так за жителями аула Буго-як к 1913 г. накопились недоимки в сумме 430 руб. 30 коп. В аул прибыл вице-губернатор с взводом казаков и 15 солдатами Каинской воинской команды. Несмотря на сопротивление, все взрослое население аула в количестве 30 человек было оштрафовано на 15 руб. каждый, 19 человек арестованы. У татар забрали скот, после чего недоимки были взысканы [11, с. 280]. Характерно, что сопротивлялись не только сами ваисовцы, но и их жены. Одна из вооруженных женщин, несмотря на многочисленные ранения, продолжала обороняться до последнего [12, б. 66].

Среди аборигенов Горного Алтая, проживавших на территории Бийского уезда Томской губернии, с 1904 г. начала распространяться новая религия – бурханизм (от уйгуро-монгольского «бурхан» – «бог»), последователи которой ожидали скорого прихода пророка Ойрот-хана – посланника верховного божества Ак Бурхана. Бурханисты отрицали шаманизм и жертвоприношения: «Бубны камов (шаманов. – В.А.) сожгите, потому что они не от бога, а от ерлика (сатаны. – В.А.)», «Не ешьте крови животных». Но, говоря в своей молитве: «Ненависти не допуская, да будем согласно жить, как дети одного отца, как табун одного жеребца», на деле последователи

новой религии были настроены весьма нетерпимо как по отношению к русским, так и к своим крещеным соплеменникам. Об этом свидетельствуют заповеди основателя бурханизма Чета Челпанова: «Дружбы с русскими не водите и не зовите их «орус», а зовите «чичке пут» (тонконогие. – В.А.). Будем смотреть на русских как на своих врагов. Скоро придет им конец, земля не стерпит их, расступится, и они все провалятся под землю...», «...с христианами (новокрещенными алтайцами. – В.А.) из одной посуды не ешьте» [13, с. 209].

Однако более всего администрацию Бийского уезда встревожил призыв Челпанова к единоверцам, имеющим русские деньги, как можно быстрее расходовать их на покупку пороха, свинца и товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги приносить ему. В мае 1904 г. бийский уездный исправник доносил томскому губернатору, что «калмыки (алтайцы. – В.А.) отказались признавать русское правительство. Ждут своего царя Ойрота... Возмутителем является местный калмык Чет Челпанов с женой и дочерью, объявившие себя проками. Никакие увещевания не действуют. Чет Челпанова необходимо арестовать дисциплинарной регулярной силой. Ходатайствую о высылке из Усть-Каменогорска казаков или из Томска отряда солдат, желательно первых» [14, с. 86].

21 июня 1904 г. полицейские при поддержке вооруженных крестьян и киргизов

(казахов) прибыли в лог Терем (Теренг) в верховьях Чарыша, где для массового моления собралось около 3 тыс. алтайцев-бурханистов. Отрядом под руководством бийского уездного исправника «толпа алтайцев была разогнана». При этом, согласно докладу ротмистра Завьялова начальнику Томского губернского жандармского управления, были убиты 3 человека [15]. От 30 до 50 человек получили тяжелые ранения [16; 17, с. 21]. Арестованному Ч. Челпанову и его сподвижникам М. Адышеву, М. Бабраеву, К. Елбадину, А. Елимисову и Ч. Юдуеву было предъявлено обвинение по ст. 938 и 1542 Уложения о наказаниях (неповиновение властям и возмущение).

Появление в начале XX в. многочисленных национальных, религиозных и организаций, деятельность которых нередко носила экстремистский характер, – свидетельство недостаточно эффективной государственной политики в отношении инородческого населения. Приведенный обзор свидетельствует, что полицейский аппарат Российской империи был неспособен оперативно реагировать на деятельность организаций подобного рода. Этот опыт необходимо учитывать при определении функций и задач, выборе средств и методов деятельности органов внутренних дел, а также совершенствовании правовых основ их деятельности для создания действенного механизма по противодействию экстремизму.

Библиографический список

1. Гордиенко В.В. Актуальные проблемы противодействия экстремизму в России // Вопросы комплексной безопасности и противодействию терроризму. М., 2010.

2. Штернберг Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. XIII.

4. Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Кутилова Л.А. Историческая справка к предложениям администрации Томской области // Томские татары в прошлом и настоящем. Томск, 2000.

5. Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири в XVII–XX вв.). Горно-Алтайск, 1994.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. XXV.

7. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 83–85.
8. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 846. Л. 89.
9. Wajsow, Chodja Muchammed Gajan. Wajsow, wajsowsy i stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. Wilno, 1932. Т. 1.
10. ГАТО Ф. 3. Оп. 74. Д. 94. Л. 19.
11. Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары в составе Российского государства: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2005.
12. Рәми И.Г. Әдәби сәзлек (Элекке татар әдәбияты һәм мәдәнияты буенча кыска белешмәлек). Казан, 2001.
13. Антропов В.М. Борьба органов полиции Томской губернии с последователями религии бурханизма как одного из проявлений экстремизма в России в начале XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2015. Ч. 2.
14. Данилин А.Г. Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993.
15. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 124. Л. 36.
16. ГАТО. Ф. 10. Оп. 15. Д. 15. Л. 428.
17. Мамет Л.П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны в Горном Алтае. М., 1930.